

— Понимаете, как странно, — начала она неторопливо, как бы подбирая слова, — все тут будто бы и верно, а в то же время на многие предложения хочется ответить и «да», и «нет». Да, конечно, нельзя мириться с безобразным поведением ребят в театре, но делать из этого вывод, что не надо водить их туда... Нет никаких сомнений в том, что нужно «ставить» спектакль в зале и что заниматься этим должны взрослые — и сам театр, и родители, и учителя, но полностью снимать ответственность с самих подростков за их поведение тоже нельзя... Верно и то, что культпоходы частенько, как говорится, «выходят боком», что надо искать новые формы общения детей с искусством, но при этом согласиться с тем, что однообразный зал обедняет оценки, как считает З. Корогодский, никак не могу... И вообще мне кажется, что не стоит рассматривать поведение детей в театре как самостоятельную проблему. На мой взгляд, вопрос этот может решаться только как составная часть проблемы воспитания подростков в целом.

Ну разве дело в том, что именно в театре мальчишка плюет на пол или отчаянно визжит? Кто не делал этого дома или в библиотеке, не станет изменять себе и здесь. Кто понимает, что нельзя мешать другим, неужели именно на спектакле вдруг начнет мешать соседям? Нет, все это куда глубже...

— Но ведь, скажем, Корогодский и берет глубже: он говорит о характерном для подростка несоответствии внешних проявлений потребностям души, о том, что ребенок в этом возрасте, особенно среди знакомых, сверстников, редко бывает самим собой, старается быть, как все.

— То, что вы называете «быть, как все», — вполне естественное выражение тяги ребенка к обществу сверстников, его обеспокоенности их мнением. Трудность состоит в том, что в зависимости от обстоятельств одинаково заразительны как хорошие, так и дурные примеры. Все дело в окружении: кто те «все», на кого он хочет походить. Так что надо думать не о том, что подросток «перестает быть самим собой», а о том, что он сам еще не знает, какой он. Он мучительно ищет себя, вырабатывает свою систему ценностей. И сколько бы ни ершился, ни грубил — он ждет от друзей — ровесников и от нас, взрослых, что мы помо-

жем ему создать эту систему. Не нотациями, не объяснениями, «что такое хорошо и что такое плохо», взывающими к его разуму, как мы это любим делать, а тонко воздействуя на его чувства, апеллируя к его сердцу.

— Искусство и апеллирует к сердцу, а дети не всегда хотят понять и принять это. Чепуров писал о хорошем спектакле, да и я сама наблюдала совершенно непонятную реакцию ребят: на сцене трагедия, а они смеются, жуют...

— Все смеются?
— Ну нет, не все, но многие.

— А вы уверены, что трагедия, о которой вы говорите, была понятна, близка им?
— Абсолютно, да ведь

СЧАСТЬЕ — ЭТО КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ

большая часть и воспринимаю так, как надо.

— Знаете, на это хорошо отвечает в своем письме Андрюша Никишин: школьники плохо ведут себя в театре потому, что он не занял еще надлежащего места в их системе ценностей, не стал для них храмом искусства, неинтересен им. Конечно, можно искать виновников их плохого поведения в каждом конкретном случае: учитель, не подготовивший класс к «мероприятию», педагогическая часть театра, не организовавшая дежурства... Да разве только в конкретном случае дело? Воспитание любви к искусству, формирование эстетического вкуса — отделены от нравственного воспитания человека. Подростки, о которых идет речь, не только не умеют любить искусство, они не умеют уважать людей, вести себя в обществе. Из-за педагогических ли просчетов, из-за равнодушия ли взрослых, они попросту дурно воспитаны. Вот и проявляют это дурное воспитание каждый по-своему, кто где может, в частности, на спектакле.

— Дурно воспитаны... С утра до ночи, дома и в школе все только и делают, что воспитывают их. Для этого — радио, телевидение, книги, фильмы, те же спектакли. А ребята растут грубыми, бестактными, иногда даже собственные дочка кажутся мне какими-то дикарями только что из джунглей, не говоря уж о мальчишках на улице. И потом ведь, действительно, дома парнишке не придет в голову

Говорят: сколько голов — столько умов. Пожалуй, явственнее всего эта истина проявляется в вопросах воспитания. У каждого собственная система. Но, хотя любовь из нас и считает, что именно его система самая верная, как часто мы жалуемся на своих детей, особенно в пору переходного возраста. Как часто ощущаем себя бессильными перед их капризами, неожиданными выходками, бесцеремонностью!..

Жалуемся. Пытаемся методом проб и ошибок найти меры воздействия на них, разобравшись, что к чему. Все верно: каждый ребенок — неповторимая личность, и мотивы его плохого или хорошего поведения могут быть разными. Но существуют же какие-то причины, должны же найтись объяснения случаям, описанным В. Чепуровым и А. Быцан, как и тем, другим, с которыми сталкивались сами... Да, подросток труден, да, непросто с ним, да, утрачиваются контакты... А кто может помочь научиться общению с этим трудным подростком? Научиться понимать его? Скорее всего те, кто избрал этот нелегкий возраст объектом своего повседневного внимания, предметом изучения.

Это и привело меня в лабораторию возрастной психологии Института общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. Пока Татьяна Павлова ГАВРИЛОВА, научный сотрудник лаборатории, читала полученные редакцией письма, читала внимательно, по нескольку раз возвращаясь к отдельным абзацам, мне казалось, она со всем согласна. Но вот отложила их и...

задымить сигаретой или выругаться, а в компании сверстников — пожалуйста...

— Дома не придет в голову, потому что «влетит» — совершенно нормальная реакция. Их и так, как вы заметили, порой слишком усердно «воспитывают». Не знаю, может быть, нельзя этого говорить, но ведь через курение и употребление крепких словечек проходят в определенном возрасте почти все мальчишки, только одни достаточно незаметно и благополучно минуют этот период, а другие нет. Этот постесняется выругаться при девочках, а тот — напротив, с особым удовольствием... Почему? Вот вы говорите, что они растут грубыми, бестактными. А обращали внимание когда-нибудь, как «беседуют» друг с другом и особенно как обрушиваются на ребятнишек с рандами за спиной пассажиры переполненного автобуса? Слышали, как честит ребенка дворник или активист жэка, встретив его с собакой в «неположенном» месте? Часто ли родители задумываются о том, что дети рядом, когда начинают в весьма повышенных тонах выяснять семейные отношения? Или рассказывать анекдоты? Или просто с удовольствием вспоминать, как славно вчера выпили и закусили с таким-то и таким-то?..

Конечно, неплохо бы, как пишет Корогодский, замечать культпоход классом культпоходом семей. Или, вернее, дополнить одну форму другой. Но права, к сожалению, и Н. Никифорова. Сегодня далеко не всякая

семья способна на это. И вряд ли мы при помощи родительского комитета или профсоюзной организации заставим, например, папу-алкоголика в воскресенье надеть галстук и отправиться с сыном в театр.

И если бы только алкоголь! Увы, и вполне достойные родители уделяют явно недостаточно внимания развитию у ребят интереса к искусству.

— Как же так? Одно из недавних социологических исследований говорит как раз обратное. Есть у меня такие данные: каждая вторая из нескольких тысяч семей, отвечавших на анкету, мечтает приобрести своего ребенка к литературе и музыке, каждая четвертая — к театру и кино, каждая пятая — к изобразительному искусству. При этом 90 процентов воспринимают искусство не как будущую профессию своих сыновей и дочерей, а только как занятие, духовно обогащающее человека...

— Все-таки здесь, очевидно, имеется в виду желание родителей развивать способности ребят. Безусловно, никто не спорит: нигде в мире нет таких возможностей в этом плане, как у нас, мам и пап можно упрекнуть скорее в излишнем стремлении обучать ребенка всему сразу — и музыке, и рисованию, и фигурному катанию, чем в недооценке этих занятий. Я же говорю совсем о другом! Те же исследования дают и такие цифры: в театре с детьми бывают лишь 54 процента родителей девочек и 45 — мальчиков, причем ре-

гулярно — всего 14 процентов! Между тем из тех, кто ходит на спектакли с родителями, серьезно интересуются искусством 56 процентов ребят, из тех, кто не ходит с ними, — 44 процента. Вы скажете, разница невелика? Нет, велика: это тысячи ребят, которые могли бы жить интереснее, вырасти более разносторонними, более культурными людьми. Родители часто передоверяют школе то, что могли бы и должны бы делать сами, а учителя в свою очередь полагаются на то, что досуг — дело семейное, в школьной же программе изучению искусства отведено очень мало времени. Вот и получается, что отношением детей к искусству иногда заняться просто некому. Здесь Корогодский абсолютно прав.

Я совершенно согласна и с Н. Никифоровой в том, что одна из самых серьезных, самых актуальных проблем сейчас — воспитание воспитателей. Потому что прежде, чем формировать у ребенка систему его потребностей, его нравственных и эстетических ценностей, надо разобраться в самих себе, понять, чем тут обладаем мы, взрослые.

Кстати, говоря о воспитании воспитателей, я имею в виду не только собственно учителей и родителей, но и работников искусств. И. Дальский, обвиняя, как он пишет, «театр и только театр» в недостаточном поведении школьников, выступает, по моему, слишком категорично, но доля истины есть и тут. К сожалению, отнюдь не

все творческие коллективы, готовя спектакли для детей, относятся к ним так же серьезно, как к постановкам для взрослых. И даже в тюзях бывает, что репертуар для старшекласников отличается куда более высоким уровнем, чем «малышовый».

— Тут же другой круг проблем — качество драматургии, режиссерское и актерское мастерство, организация творческого процесса. И, конечно, желание и умение работать с детьми и для детей, которое дается не всякому...

— А как же решать эти проблемы в отрыве друг от друга? Нет, если мы уж заговорили о воспитании у ребят любви к искусству, если уж занялись вопросом «дети

в театре», то надо вести наступление по всем фронтам. От принятой к постановке пьесы до театрального буфета и гардероба, от эстетического воспитания в школе до взаимоотношений в семье. Здесь нет главных и неглавных тем, важных и менее важных задач. Нет мелочей. А главное, решая эти задачи, надо постоянно добиваться неформального подхода ко всему, что делается для ребят!

— Эта сторона вопроса меня тоже очень беспокоит. Какой-то коллектив — к примеру, тот же Ленинградский тюз — находит удачные формы (я не говорю о Делегатском собрании, это невозможно повторить: полувековая история, прекрасные традиции — есть другое, связанное с этим: характер мероприятий). И вот эти формы становятся широко известными. Постепенно в других театрах появляются аналогичные: то ли это листовки-обращения, то ли праздники первого посещения, дни учителя. Когда читаешь материалы, приложенные из разных городов о проводившейся там неделе «Театр и дети»,стораживает, что очень уж у всех все

ОТ РЕДАКЦИИ

Письмами, опубликованными сегодня, и беседой с ученым-психологом Т. Гавриловой мы не заканчиваем разговор. Хотелось бы, чтобы в его продолжении приняли активное участие родители, педагоги, работники детских театров. Какие трудности встают перед вами? Как вы решаете проблемы организации свободного времени ребят в вашей семье, школе? Какие новые формы работы с детьми нашел ваш театр? Чье мнение по этим вопросам вам хотелось бы услышать? Мы ждем ваших писем с размышлениями, предложениями, вопросами, пожеланиями.

похоже, редко-редко мелькает что-то свое...

— Вот-вот, об этом я и говорю. Тут главная опасность, что хорошо задуманные «дни» довольно скоро могут стать дежурными мероприятиями, что они окажутся не для того, чтобы поговорить о наблевшем, а тоже, как иной культпоход, — «для галочки». Не секрет же, что так бывает и с пионерскими сборами, и с выпускном стенгазет, даже с таким благородным делом, как тимуровская работа. Самое прекрасное начинание можно испортить формализмом, а дети его особенно не терпят.

Одно дело — спектакль так потряс ребенка, что немедленно захотелось рассказать о нем, другое — когда заставляют, вменяют в обязанность рисовать картинку или писать рецензию («Велено выпустить стенд о премьер!»). Одно дело, когда его пригласают в театр, другое — когда загоняют и, как пишет липайский школьник, грозят всякими карами, коли не пойдет. Этим его только отпугнешь от театра: на пушечный выстрел не подойдет. И родители, кстати, так же: если однажды они придут и вместо разговора по душам получат нудную лекцию о том, что надо-де эстетически развивать детей и театр тут незаменим, больше их не заманишь, правда же?

— Естественно. Но, поскольку предпринимать все-таки что-то надо, поскольку вопрос о воспитании ребят волнует многих и ждет своего разрешения — хоть и не бывает готовых рецептов в таком сложном деле, — что вы, как психолог, считаете сейчас самым главным?

— Смотреть на себя со стороны! Как сказал А. Куценко: «Наши дети — нам и воспитывать». Заботиться о том, чтобы дети были счастливы. О том, чтобы они видели в нас друзей, причастных к их переживаниям, где бы они ни были — в театре, кино или в жизни. Помните из фильма: «Счастье — это когда тебя понимают»?..

Наталья ВАСИЛЬКОВА.

2 сент.
Соб. культура, 1975, 2 сент